

ДИАЛЕКТИКА «КРИТИЧЕСКОГО» КАНТА

Уже своими знаменитыми антиномиями чистого разума Кант навечно вписал свое имя в историю мировой философской мысли. Его антиномии положили начало развитию диалектики в Германии первой трети XIX века. Трансцендентальная антитетика Канта после методологии Лейбница послужила зародышем, из которого выросла диалектическая логика Фихте, Шеллинга и Гегеля, явилась, через диалектику Гегеля, стимулом для развития диалектики марксизма.

Но антиномии Канта не могут быть правильно оценены с точки зрения их роли в истории диалектики, если не рассмотреть их в связи с замыслом и функциями его трансцендентальной диалектики и шире — трансцендентальной логики в целом и, в частности, с некоторыми особенностями построения таблицы категорий в аналитической части последней.

В замысле трансцендентальной логики Канта содержалась мысль о создании качественно более высокого, чем традиционный формально-логический, уровня логического исследования. При этом Кант имел в виду построение логики, которая имела бы дело с логическими формами, но взятыми в тесном отношении их к предметам познания, — в отношении не случайном, а вполне определенном. В этом смысле она имела бы дело не только с формами познания, но в каком-то роде и с его объектами. Значит, это была бы в некотором смысле логика, причастная к содержательности и, может быть, даже логика «содержательная», — вывод, неожиданный для тех, кто безоговорочно относит Канта к числу «формалистов» в логике и гносеологии.

Уже аналитика трансцендентальной логики Канта обеспечивает, по его замыслу, методологическое руководство способностью суждения, направляя ее на решение не чисто формальных, но до некоторой степени содержательных вопросов. Однако поскольку априорные категории, согласно Канту, суть не знания, а только их формы, то та «содержательность», которую он приписывает им как предметам трансцендентальной логики, это — содержательность, выявляемая, так сказать, в недрах самой «бессодержательности»: она состоит именно в направленности форм на их материал. Ведь «пустые» формы сами по себе, по Канту, актуально не существуют. Формы не могут «жить» без содержания.

Сказанное требует уточнений. И в особенности для Канта, искавшего эффективных гарантий такого активного воздействия форм на вкладываемый в них материал, которое привело бы к построению научного знания, важно было иметь твердое мнение об отношении логической формы к чувственному содержанию и содержанию вообще. Только на основании определенного взгляда на этот вопрос можно было поставить ясную задачу об изменении характера самой логики так, чтобы она могла создать искомые гарантии. В общем виде вопрос стоял так: в чем все-таки вообще может состоять «содержательность» логики? Уже у Канта (в соответствии с его трактовкой понятия «диалектика»), а тем более у Гегеля (в значении его понятия, более близком к марксистскому) этот вопрос, по сути, приобрел и такой характер: в чем может и должна состоять «содержательность» диалектической логики?

Гегель выступил против метафизических учений о логических формах и в этой связи критиковал Канта за сохраненный, а отчасти и углубленный отрыв им формы от содержания в логике и за неразвитость идеи о том, что от одних ее форм существует внутренний переход к другим. Критикуемой позиции Гегель противопоставил тезис о диалектическом тождестве (единстве) формы и содержания у понятий диалектической логики, но конкретизировал этот тезис далеко не всегда диалектически. Он стремился максимально развить содержательность самих мыслительных форм, в противоположность «пустой форме», которой оперирует рассудок¹, но стал искать такие понятия, у которых форма совпадала бы с содержанием. Тем самым он нарушил свой же принцип относительной самостоятельности логической формы.

На самом деле в учении о понятии Гегель в качестве истинно диалектических понятий выделяет такие, у которых форма будто бы растворилась в содержании. Фактически Гегель стал рассматривать в этих случаях только содержание понятий, игнорируя их форму: подлинно истинное, считал он, может быть познано только через понятие и «приближено к нему единственно только путем отметания той чувственной примеси, которая, якобы, должна его выразить»². Но в результате Гегель не смог привести ни одного примера искомых им понятий. О чем это говорит?

И в фактически происходящем мышлении, и в любой логике не может быть содержания без формы. С другой стороны, не существует никаких логических объектов, которые представляли бы собой «чистую форму». Неинтерпретированные структуры знаков, хотя бы они и были определенным образом упорядочены, еще не представляют собой предмета логики. Но о каком именно содержании в логике может идти речь наиболее точным образом и о какой содержательности

¹ Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. 6. М., Изд-во АН СССР, 1939, с. 17.

² Там же, с. 52.

логики можно все-таки ставить вопрос как о цели усовершенствования логики, поднимающего ее на более высокий уровень?

Выделим, по крайней мере, пять различных значений «содержательности логики».

Во-первых, можно считать, что та логика более содержательна, формы которой, то есть ее структуры и правила, более сложны и разветвленны (и в этом смысле «богаче»), чем формы той логической системы, с которой мы данную логику по степени ее содержательности сравниваем. Ни Кант, ни Гегель не прокламировали содержательности логики именно в таком смысле этого термина. Но фактически трансцендентальная логика Канта, кроме прежних формально-логических понятий, оперировала категориями и новыми понятиями, обогащающими логику. Тем более это нужно сказать о «Науке логики» Гегеля, в которой разработано около сотни диалектических категорий.

Во-вторых, можно считать более содержательной ту логику, формы которой более зависят от изменения вкладываемого в них содержания, то есть соответствующим образом изменяются при этом сами. Формы диалектической логики, такие, как восхождение от абстрактного к конкретному и другие, по своей структуре часто варьируются и, в зависимости от характера познавательного материала, заметно различаются по своему виду. Но этого не имели в виду классики домарксистской диалектики, когда они обратили внимание на проблему содержательной логики. В то же время фактическое их отношение к данному тезису диаметрально противоположное. Кант полностью отрицал зависимость логических форм от вкладываемого в них содержания; Гегель, как мы уже отметили, искал их тождества в смысле полного совпадения, а с другой стороны, признавал диалектику форм и содержания у всех не собственно логических объектов.

В-третьих, две логических системы могут быть сопоставлены с точки зрения количества имеющихся у их форм интерпретаций, и та, у которой таких интерпретаций больше, может считаться «более содержательной». Данный аспект логической содержательности появляется в классической немецкой философии в связи с проблемой онтологизации логических форм. Кант в принципе отвергает таковую в соответствии со своим учением о вещах в себе. Гегель же, наоборот, стал проводить ее с почти одинаковой степенью полноты в отношении как формальной, так и диалектической логики, хотя сам он то и дело переходил от упреков по адресу первой в ее антидиалектичности (метафизичности по содержанию) к упрекам в ее бессодержательности (пустоте по форме). Возникает вопрос: кто из двух великих философов был более прав?

Четвертый вариант заключается в утверждении, что подлинно содержательной становится та логика, которая начинает заниматься изучением не только форм, но и содержания, которое вкладывается в эти формы (а в крайнем случае — только этим содержанием и за-

нимается). Именно о такой логике мечтал Гегель, а Кант возможность ее нацело исключил: он был убежден, что подобная «содержательность» в принципе не относится к ведению логики как науки. Здесь также встает вопрос о том, кто в этой гносеологической контроверзе был прав.

И, наконец, пятый случай: квалификации «содержательная» заслуживает та логика, которая «поднимается» над своими собственными формами и превращает их в предмет изучения, рассматривая их гносеологически, философски. Шаг к созданию именно такой логики сделал первым Кант, а Гегель только продолжил начатое им дело! Именно диалектическая логика призвана быть всеобъемлющей теорией содержательного мышления. При этом, коль скоро она сохраняет характер логической дисциплины, она должна заниматься исследованием именно соответствующих ей логических форм, содержательных в первом и втором из перечисленных выше значений термина «логическая содержательность». Но теперь мы в полной мере можем оценить значение того тонкого соображения Канта, что содержательный план анализа состоит в исследовании того, как формы соединяются с вкладываемым в них содержанием. Правда, это соединение Кант понял не как изменение форм под влиянием материала, а как приспособление материала к формам и даже изменение его¹.

У Канта проблема содержательности логики — это проблема гносеологического ее действия, и Кант считает его возможным в сфере действия категорий рассудка, а не идей разума в узком смысле слова, то есть в области науки, а не философии. Впрочем, все же и философии, ибо учение Канта о категориях науки также ведь носит философский характер!

Важным шагом на пути создания трансцендентальной логики, содержательно отличающейся от обычной формальной логики, было для Канта уточнение характера тех связей и их «отрицаний» (контрадикций), которыми формальная логика занимается. Для этого было необходимо порвать со старой рационалистической традицией и четко отличать логические связи и противоречия от связей и противоречий реальных. К осуществлению этой задачи Кант приступил еще в свой «докритический» период в работах «Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма» (1762) и в «Опыте введения в философию отрицательных величин» (1763)².

Когда впоследствии Гегель снова «сомкнул» субъективные и объективные противоречия, то при всех глубоких диалектических коррективах его принцип тождества бытия и мышления снова стал поворачивать гносеологию на ложную колею рационализма, и только возникновение марксистско-ленинской теории отражения вывело ее затем,

¹ См.: Кант И. Соч., т. 3, с. 210.

² Подробный анализ этого содержится в работе: Feist H. Der Antinomiegedanke bei Kant und seine Entwicklung in den vorkritischen Schriften. Leipzig, 1932.

наконец, на первый путь. Таким образом, Гегель в отношении Канта в данном вопросе оказался прав и не прав,—прав, выступая против агностического разрыва между «мирами» сознания и бытия, и не прав, сводя, в конечном счете, отношение между этими «мирами» к идеалистическому тождеству.

Что касается Канта, то ему пришлось воевать против тождества бытия и мышления не гегелевского, а лейбницеанско-вольфианского вида. И проводимые им в этой борьбе жесткие грани между рассудком, чувственностью и вещами в себе обусловили то, что осуществляемое им освобождение формальной логики от ошибочного онтологического балласта привело к разрыву живых связей логики с действительностью. А это были связи, о которых В. И. Ленин писал как о причине того, что «самые обычные логические «фигуры» суть... самые обычные отношения вещей»¹. Кант в отношении Гегеля был прав и не прав,—прав, отрицая тождество логических связей с реальными, и не прав, считая невозможным отражение реальных связей в логических формах.

Кант приступил к созданию своей критической философии, совершенно отчленив формально-логические противоречия от реальных связей действительности, но тем более неукоснительно признавая формально-логический закон противоречия, то есть запрещение противоречия, за всеобщий закон правильного и доказательного мышления. Надо заметить, что во время эволюции взглядов Канта, происходившей в «докритический» период, его понимание функций этого закона было более правильным, поскольку он признал, что запрещение формально-логических противоречий не означает запрещения противоречий содержательных, реальных (мы бы сказали — объективно-диалектических), а в «критический» период вопрос о противоречиях в мире вещей в себе утратил для него всякий смысл (в связи с преобразованием любых категорий, в случае приложения их к этому миру, в ноумены). В 1762 году он писал, что реальная противоположность «совсем иного рода»², чем противоположность формально-логическая.

Но в «Критике чистого разума» Кант, перенеся собственно объективные противоречия из мира «вещей в себе» в сферу явлений как противоречия между ними (*realitas phaenomenon*) и только между ними, тем самым сделал их «подвластными» логическому закону непротиворечия, и их статус стал неясным. Не самыми главными стали противоречия, и их статус потеряли значения, физические противоположности вроде притяжения и отталкивания, действия и противодействия, движения и покоя, исчезновения и возникновения. То есть те противоположности, изучение и использование которых Кантом составило его, может быть, самую непреходящую славу и дало осно-

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 38, с. 168.

² Кант И. Соч., т. 2, с. 86.

вания Энгельсу сказать, что «Всеобщей естественной историей и теорией неба» впервые было всерьез поколеблено представление, будто природа не имеет истории во времени.

Неослабевающий же интерес к истории человеческого общества привел Канта снова к глубоким диалектическим прозрениям, на этот раз уже насчет присущих его истории содержательных противоречий, сконцентрированных им в знаменитой формуле движущей силы истории как «антисоциальной социальности (*angesellige geselligkeit*)» людей¹. Сама формулировка этого положения ориентирует на то, чтобы рассматривать его как диалектическую проблему.

Таким образом, Канту то и дело приходилось сталкиваться с объективной диалектической содержательностью процессов и вещей. Столкновение же последней с логическим законом непротиворечия привело в его философии к возникновению антиномий, и, как впоследствии Кант заметил в письме к Х. Гарве (1791), именно размышления его над антиномиями свободы и необходимости, бесконечности и конечности послужили главным толчком к переходу на «критические» позиции. Но необходимо выяснить отношение Канта к понятию «диалектического».

Кант порицал «естественную диалектику»² в смысле умствований наперекор законам мышления и невысоко ценил генетически связанную со средневековым «логическую диалектику», которая «занимается только тем, что обнаруживает в форме умозаключений ложный блеск»³. И здесь Кант был прав. Затем он опирается на одну из основных в античности трактовок диалектики как искусства спора, которое сталкивает с помощью логических средств противоположные точки зрения. Но он поднял эту «диалектику» на гораздо более высокий уровень значения, чем простое искусство спора. Кант ухватил очень важную «половину» истины насчет подлинных возможностей диалектической логики, когда пришел к выводу, что диалектика не в состоянии «из себя» как самостоятельной науки путем интеллектуальной интуиции порождать содержательные истины (тем самым Кант избежал ошибок Фихте, Шеллинга и Гегеля), но в состоянии выявлять значение и структуру теоретических проблем (часть из них, пусть малая, охватывалась Кантовыми трансцендентальными идеями) и намечать возможности их решений.

Кант считал ложной такую диалектику, которая претендовала бы на конститутивное «повивальное искусство» метода познания, но по сути дела он сам значительно приблизил ее к тому, чтобы она стала таким методом, поскольку придал ей функции учения о методе раскрытия заблуждений и преодоления их. Правда, он воздвиг метафи-

¹ К этой формуле могут быть добавлены и такие, как «бесцельная целесообразность» и «незаинтересованный интерес». См.: Кант И. Соч., т. 5, с. 139, 412.

² Кант И. Соч., т. 4(1), с. 242.

³ Там же, с. 362.

зическую стену между обоими методами, но эту стену можно было уже целеустремленно устранить после того, как точно определилось, какие именно области она разделяет.

Диалектическая логика призвана, опираясь на категориальный анализ, выявлять принципиальные проблемы познания, уметь их правильно ставить и разрешать. Это важная методологическая функция диалектики, и велика заслуга Канта в том, что он, по сути дела, указал на нее. Но необходимо было поставить диалектику на объективную основу и «вывести» ее в мир объективной реальности. Этого Кант не смог сделать в силу своей общей эпистемологической программы,—как известно, агностической и субъективно-идеалистической по существу. Тем более он не мог поставить диалектику на материалистическую основу. Что касается характерного для подлинной, эвристически действующей логики диалектического синтеза, то на возможность ее Кант пока только намекнул: «Двойственный, противоречивый интерес»¹ разума в опыте схватывает, например, разнообразие «в соединении»² с однородностью. Это касается физических противоречий и моральных антиномий реальной человеческой истории, где «антисоциальная социальность» находит конкретное разрешение в общем движении исторического процесса, а зло и добро в «легальной» и собственно «моральной» его формах не распределены по разным мирам, но фактически взаимодействуют и так далее. И все намеки подобного рода тем более ценны, что они показывали принципиально новые, не освоенные еще самим Кантом рубежи диалектического мышления. Эстафета концепций Фихте, Шеллинга, а затем Гегеля продвигалась к нам все ближе, но только диалектико-материалистическая мысль Маркса вышла на эти рубежи и затем продвинулась еще более вперед.

Отношение Канта к диалектике — это полюс в высшей степени напряженного отношения, другим полюсом которого являлась формальная, во многом метафизически деформированная логика его времени, которую он ввел в ткань своего философского учения под именем «общей». Кант осознал недостаточность формальной логики в функции метода познания и с основанием писал, что формально-логические «критерии касаются только формы истины, то есть мышления вообще, и постольку они недостаточны, хотя и совершенно правильны»³.

Кант понял, что претензии в духе вольфианства к формальной логике, что она будто бы должна «из себя» порождать содержание философской онтологии, были совершенно несостоятельны, хотя философия, которая бы программным образом нарушала формальную логику или пренебрегла ею, несостоятельна тоже и ей не избежать.

¹ Кант И. Соч., т. 3, с. 560.

² Там же, с. 562.

³ Кант И. Соч., т. 3, с. 160.

объятий иррационализма. И сам Кант при помощи формальной логики исследует категории и связи между ними, так что, если «общая логика» у Канта — это логика формальная в свойственном ей «каноническом», чисто логическом применении, то логика трансцендентальная ставит формальную на службу гносеологическим исследованиям в соответствии с метатеоретическими воззрениями Канта на функции рассудка. Благодаря «общей логике» действительное содержание трансцендентальной диалектики выходит у Канта из предварительно очерченных им ее пределов «логики видимости»¹ и оказывается не только «критикой этой диалектической видимости»¹, но и наукой, которая «предохраняет нас от ее обмана»². Мало того, «общая» логика фактически способствует выявлению глубокой диалектики мышления. Ведь именно с помощью формальной логики выявляется у Канта тот факт, что вообще антиномии именно как антиномии существуют!

Кант выдвинул задачу генетического выведения форм рассудочного познания. И, вне всякого сомнения, проблематика генезиса категорий научного познания представляет для диалектической логики и в гегелевском, и в марксистском ее понимании огромный интерес, хотя едва ли в наше время можно признать, что содержательное учение о категориях есть собственно логика в точном смысле этого слова.

Кантова логика выведения категорий отвлекается, как и логика формальная, от эмпирического созерцания, но в отличие от последней³, отнюдь не отвлекается от созерцания априорного и, наоборот, сохраняет направленность на априорные созерцания и связь с ними, имея своей задачей «объяснение возможности синтетических суждений»⁴.

Формальный прием выведения Кантом таблицы категорий из четырех разных рубрик традиционной классификации суждений для нас здесь интереса не представляет. Метафизические стороны достигнутого здесь Кантом результата в нашей историко-философской литературе уже раскрыты и очерчены. Но нам надо подчеркнуть те подлинно диалектические моменты, которые у него проглядывают.

Так, Кант не удовлетворился трактовкой категорий как логических функций суждения⁵ и придает им более содержательный гносеологический смысл «понятий о предмете вообще»⁶, которые предписывают явлениям законы. Следовательно, они не только формы понятий, но все-таки и сами суть понятия, а значит, у них есть, в свою очередь, и своя форма, и свое содержание, что потом и за-

¹ Кант И. Соч., т. 3, с. 163.

² Там же, с. 339.

³ Там же, с. 655.

⁴ Там же, с. 231, ср. с. 159.

⁵ Там же, с. 174.

⁶ Там же, с. 189.

ставило неокантианца З. Ласка специально заняться вопросом о содержании и форме категорий Канта. Философ подчеркивает единство категорий, что и должно найти свое выражение в генезисе их из одного общего принципа»¹. Отдаленное предвосхищение гегелевских триад можно видеть в выдвинутом Кантом принципе, что «третья категория возникает всегда из соединения второй и первой категорий того же класса»². Интересно, что Кант сразу же возражает против того, чтобы это было истолковано в духе чисто формального приема: «Не следует думать,— пишет он,— будто третья категория есть только производное, а не основное понятие чистого рассудка. Это соединение первой и второй категорий, образующих третье понятие, требует особого акта рассудка, не тождественного с актом рассудка в первой и второй категории»³. Своеобразное — по сути дела диалектическое — синтезирование двух категорий в третью довольно удачно осуществлено Кантом в группах категорий количества, качества и отношения (в группе модальности — явная натяжка). В. Ф. Асмус в книге «Иммануил Кант» (1973) справедливо обращает внимание на то, что в диалектической логике Гегеля переход от категории «причинности» к «взаимодействию» происходит именно в том порядке, в котором дал его зачинатель диалектики классического немецкого идеализма.

Второй и, без сомнения, более высокий гребень диалектического движения мысли у Канта — его антиномии. В широком смысле слова, не ограниченные рамками только четырех антиномий космологической идеи теоретического разума, они пронизывают многие отделы его системы. Сам Кант, настаивая на том, что в космологической идее (идеях) лишь четыре антиномии⁴, в то же время постулирует их наличие в узловых пунктах «Критики практического разума» и «Критики способности суждения», а затем и формулирует таковые. Мало того, антиномии «низшего ранга», иногда по своей логической схеме разрешаемые несколько иначе, чем классическая их четверка в «Критике чистого разума», находятся и в работах Канта по прикладной этике, а не только во второй и третьей его «Критиках». Имеются еще и антиномии, названные им «кажушимися», хотя некоторые из них существенны⁵.

В. Ф. Асмус полагает, что Кант выявил бы еще больше антиномий, если бы его внимание не концентрировалось все больше и больше только на тех противоречиях, которые восходят к дуализму научного знания и религиозной веры. В этом смысле «Узость объема

¹ Кант И. Соч., т. 3, с. 175.

² Там же, с. 178.

³ Там же, с. 178.

⁴ Гартман Н., например, убедительно показывает, что это не так, и антиномии имеются и в теологической трансцендентальной идее. Выявляются они и в психологической идее.

⁵ См.: Кант И. Соч., т. 4(2), с. 353—354.

кантовской диалектики, ничтожный размер области разума, пораженной диалектическими противоречиями, целиком обусловлены направлением практических интересов Канта»¹ и, в частности, погружением его в проблему свободы. С этим утверждением в полном его объеме можно и не согласиться, но несомненно, что естественнонаучный характер антиномий Канта в общей перспективе его философии не является доминантой. Диалектические антиномии существуют всюду — в познании, в практике, в искусстве.

О таком взгляде Канта свидетельствует и генезис его учения об антиномиях. При подготовке своей профессорской диссертации (1770) он столкнулся с парадоксами бесконечности, в частности с такими, которые «наложились» на его вторую антиномию (о наличии или об отсутствии пределов делимости материи). В 1768—1770 годах Кант изучал материалы полемики между Лейбницем и ньютономцем С. Кларком, в которых шла речь о широком круге проблем мироздания, по существу покрывающих кантовские космологические антиномии. Размышления Канта над его третьей антиномией (существует ли «причинность через свободу — Kausalität durch Freiheit») были не менее интенсивными. Эти его раздумья стимулировались чтением выполненного И. Гаманом немецкого перевода «Диалогов о естественной религии» Д. Юма и ориентировали данную проблему очень широко, — она и у Юма касалась не только вопроса о существовании бога-творца или же бога-промыслителя, но и вопросов ответственности человека, социальных границ фатализма, права на распоряжение своей жизнью и так далее. И все это — в довольно сложном переплетении.

Может быть, именно поэтому третья (первая «динамическая») антиномия Канта так странно и несколько загадочно сформулирована. В ее тезисе речь идет как будто о происхождении мира, но потом Кант рассуждал так, словно речь о «свободных причинах» внутри него. В антитезисе уже речь идет не то о человеческой свободе, не то о «свободной причине» вне мира. В действительности все эти стороны проблемы сплетены в два категориальных узла — свободы и безысключительной причинности. Что касается четвертой антиномии, то под проблемой существования «абсолютно необходимого существа», то есть бога, скрывается категориальная проблема необходимости и случайности. Поэтому мнение П. Кемп Смита и некоторых других комментаторов, что четвертая антиномия просто повторяет третью (ссылаются на то, что есть много общего в способах доказательства их тезисов и антитезисов), все же необоснованно: перед нами различные, хотя и взаимосвязанные диалектические категориальные проблемы.

Антиномии чистого разума — это диалектические противоречия фундаментальных онтологических проблем. Но противоречия эти —

¹ Асмус В. Ф. Диалектика Канта. М., Изд-во коммун. акад., 1929, с. 162.

гносеологические и притом «заостренные» до той степени, при которой, с формальной точки зрения, различие между диалектическим и формально-логическим противоречиями временно стирается. Здесь производится как бы взаимопереход противоположностей. Сконцентрировав в своих антиномиях узловые вопросы многовековой борьбы между материализмом и идеализмом (тезисы антиномий, как правило, выражают позиции идеалистов, а антитезисы соответствуют взглядам материалистов XVIII в.), Кант достиг в них также своеобразной логической конденсации: диалектика постановки и наиболее логически резкой формулировки познавательных проблем запечатлена в его антиномиях с большой силой и притом так, что имплицитно захватывает всю область сложных отношений между диалектикой и формальной логикой.

Захватывает так, что подводит читателей и исследователей к целому ряду методологических вопросов, хотя сам Кант ответов на них или не дает, либо дает неверные. Прежде всего, неверные относительно способа разрешения антиномий, который для первых двух из них (так называемых «математических») состоит у Канта в истолковании их как псевдопроблем, а для двух последних («динамических») — в «разведении» тезисов и антитезисов в различные миры и соответствующие им абсолютно различные познавательные условия. Собственно диалектического конструктивного синтеза сторон противоречия не оказывается, и попытку принципиальной формулировки такового делает только И. Г. Фихте-старший. Кант же дает нам только иллюзию разрешения антиномий. Иллюзию, можно сказать, «удвоенную», ибо он рекомендует регулятивное отношение к тем трансцендентальным идеям, которыми антиномии были порождены. В мире явлений, пусть регулятивно, применяются категории казуальности и случайности, а также категориальные понятия бесконечности и сложности, а в мире «вещей в себе» столь же регулятивно — категории свободы и супранатуральной необходимости, категориальные понятия конечности и простоты, а также понятие бога. Но поступать так, как если бы существовали бог и свобода, — не значит знать, что они действительно существуют. И это, строго говоря, даже меньше того, чтобы предполагать об их существовании. Предлагается лишь не разрушать их бытия, коль скоро такая иллюзия возникла, и так или иначе ее использовать. В отношении материалистических антитезисов регулятивность действует не прогрессивным образом, зато в отношении идеалистических тезисов ее действие расшатывает религиозный идеализм. И это несмотря на то, что Кант полагает, будто в целом «посредством антиномий мы можем косвенно доказать трансцендентальную идеальность явлений...»¹.

¹ Кант И. Соч., т. 3, с. 442. Анализ этого ложного убеждения Канта содержится в работе: Fang F. S. Das Antinomienproblem im Entstehungsgang der Transzendentalphilosophie. Münster, 1957.

Сконцентрировав в себе более чем двухтысячелетнюю историю философских споров, антиномии Канта значительно расширили и обогатили проблематику апорий Зенона из Элеи. Обогатили, но не дополнили, с точки зрения самого Канта, ибо он отрицал противоречия в чувственном познании или, по крайней мере, не проявлял к ним интереса. В тугой пучок жесткими обручами антиномических коллизий он стянул иные апории — рационального познания бесконечности космоса и микромира, их возникновения, причин упорядоченности и закономерности, которая и неуклонна, и лишена в каких-то своих звеньях бездушной фатальности. Антиномии были поставлены, — другое дело, что обещания их действительно разрешить Кант выполнить не смог.

Намек на Кантовы антиномии в предшествовавшей истории диалектики можно видеть и в безвыходных тупиках софиста Горгия, и в майевтическом искусстве Сократа, поучавшем искать истину через столкновение взаимопротивоположных определений, и в коллизиях Платонова «Парменида», и в апоретике аристотелевской «Топики», и в схемах диспута Пьера Абеляра. (Перечень этот далеко не завершен.) Но именно Кант впервые поставил вопрос об антиномичности не случайной (типа логических ошибок), а внутренне необходимой, у Канта определяемой характером трансцендентальных иллюзий, составляющих «естественную и неизбежную диалектику»¹. Ведь именно Кант указал, что тратить силы на доказательство равной обоснованности обеих сторон антиномических противоречий как раз бесполезно, и нужно обратить свое внимание на другое — на их разрешение. Ибо это — противоречия-проблемы. Но требуется еще раз повторить, что образца подлинно диалектического разрешения, а значит, разрешения по существу противоречий-проблем Кант не дал. И это само по себе стало генеральной гносеологической проблемой, которую Кант оставил последующей истории диалектики.

Принцип подлинно диалектического разрешения Кантовых антиномий требовал коренного преодоления агностицизма, дуализма и априоризма. Предельно «заостренная» средствами формальной логики гносеологическая ситуация антиномий преодолевается только через подъем к более высокой познавательной позиции, с которой истинны антитезисы, но истинны они в собственно диалектическом прочтении, то есть во взаимодействии с той долей относительной истины, которая содержится в некоторых из тезисов. Существуют, в частности, не необходимость и свобода «порознь» и не только одна необходимость, но диалектические связи между ними на основе необходимости. И, строго говоря, это уже «не те» необходимость и свобода, которые были зафиксированы в метафизически прежде абсолютизированных, в их оторванности друг от друга, тезисах и анти-тезисах.

¹ Кант И. Соч., т. 3, с. 339.

Такое, в принципе диалектическое, разрешение противоречий познания помогает глубже отразить объективную диалектику вещей и процессов, отнюдь не парализуя и не упраздняя последней, а также вовсе не кладя конец противоречиям в познании вообще. По поводу мнимого разрешения Кантом первой «математической» антиномии Гегель заметил, что «это слишком большая нежность по отношению к миру — удалить из него противоречие, перенести, напротив, это противоречие в дух, в разум и оставить его там неразрешенным»¹. Разрешение противоречий «в духе» (в познании) оказывалось у Гегеля автоматически тождественным разрешению его «в мире» (в объективной реальности), и это тоже неверно. Когда Маркс в подготовительных работах к «Капиталу» подчеркивал, что способ разрешения противоречий превращается в возникновение новых противоречий, он имел в виду не возвращение в замкнутом кругу диссонансов и конфликтов, но прогрессивное движение вперед, при котором разрешение познавательного противоречия еще не означает разрешения в жизни того противоречия, которое познают, но означает определенный вклад в создание условий разрешения людьми данного объективного противоречия в их коллективной борьбе (речь шла здесь у Маркса о социальных противоречиях). С другой стороны, разрешение данного познавательного противоречия не означает исчерпания противоречий познания вообще (или не исчерпывает полностью этого же противоречия), но, наоборот, ставит новые задачи на бесконечном пути их преодоления. На эту диалектику бесконечного движения от относительных истин к истинам абсолютным неоднократно указывали Энгельс и Ленин.

Кант уклонился от того пути, который вел к раскрытию действительных объективно-диалектических противоречий. Когда он «развел» уточняемые им составные части антиномий (разные суждения) в различные «стороны», то произошел обрыв связей между ними: они разошлись в разные миры без реальной надежды встретиться вновь. В соответствии с мировоззрением Канта получилось, что действительно объективный мир «вещей в себе» непротиворечив, а противоречия возникают только в нашем мышлении, когда оно неосмотрительно применяет неприменимые понятия и, исходя из них, пытается выводить законы природы и высказываться о ее сущности. Своих антиномий Кант не разрешил, и это указывает на наличие у него глубокого противоречия между его теоретическим и «практическим» мышлением. Антиномичность чистого разума как бы воспроизводится расширенным образом в системе Канта в целом. Эту более глубокую антиномичность на идеалистический манер пытались разрешить Фихте, Шеллинг и Гегель, но по существу разрешается она только с позиций диалектического материализма на основе качественно но-

¹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 1. М., «Мысль», 1970, с. 317.

вого понимания существа самой практики и ее роли в жизни человеческого общества как субъекта.

Но заслуги Канта в исследовании диалектики мышления бесспорны и велики. Он с основанием писал, что антиномия — это «благотворное заблуждение, в какое только может впасть человеческий разум, так как в конце концов она побуждает нас искать ключ, чтобы выбраться из этого лабиринта»¹. Он указал на противоречивость разума и познающего мышления вообще, — и прежде всего в том вполне определенном смысле, что познание движется по тернистому пути, на котором возникают, требуют своего разрешения и затем находят его гносеологические противоречия. Гегель показал затем, что это разрешение должно быть диалектическим синтезом, а у последнего объективная основа — в противоречиях самой реальности. Но диалектика взаимодействия между гносеологическими и объективными противоречиями была открыта только марксистской теорией познания.

¹ Кант И. Соч., т. 4(1), с. 438.